

Сергей Плохий
Потерянное
царство

Serhii Plokhy
**Lost
Kingdom**

The Quest for Empire
and the Making of
the Russian Nation
(From 1470 to the Present)

Сергей Плохий
**Потерянное
царство**

Поход за имперским идеалом
и сотворение русской нации
(с 1470 года до наших дней)

Перевод с английского

Сергея Лунина

и Владимира Измайлова

издательство **АСТ**

Москва

УДК 94(470)
ББК 63,3(2)
П39

This edition is published by arrangement with BASIC BOOKS, an imprint of PERSEUS BOOKS, LLC, a subsidiary of HACHETTE BOOK GROUP, INC., New York, New York, USA. All rights reserved.

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Плохий, Сергей Николаевич.

П39 Потерянное царство. Поход за имперским идеалом и сотворение русской нации (с 1470 года до наших дней) / СЕРГЕЙ ПЛОХИЙ; пер. с англ. СЕРГЕЯ ЛУНИНА и ВЛАДИМИРА ИЗМАЙЛОВА. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2021. — 480 с.

ISBN 978-5-17-109479-9

В разные эпохи на карте мира было множество империй, и все они канули в Лету. Но в случае с Россией имперский идеал стал ориентиром, который определяет бытие страны вот уже несколько столетий.

Одновременно со строительством империи шел процесс создания русской нации, мучительно искавшей ответ на вопрос о своей идентичности и трансформировавшейся в зависимости от политической конъюнктуры и идеологического запроса власти. С увеличением территории империи формировалось национальное самосознание украинцев и белорусов, которые долгое время считались ветвями единого общерусского народа.

В книге рассматривается влияние могучего мифа о преемственности власти от Киевской Руси, воспринятого московскими князьями и игравшего ключевую роль не только в эпоху “собирателей Русской земли” и империи Романовых, но и в советский период, несмотря на декларируемый поначалу интернационализм и исчезновение национального вопроса. Миф не утратил актуальности и по сей день, так как явно присутствует в концепциях общерусского народа и идеологии Русского мира, которые пришли в реальность XXI века, чтобы продолжить поход за “потерянным царством”.

УДК 94(470)
ББК 63,3(2)

ISBN 978-5-17-109479-9

- © Serhii Plokyh, 2017
- © С. Лунин, перевод на русский язык, 2021
- © В. Измайлов, перевод на русский язык, 2021
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2021
- © ООО “Издательство АСТ”, 2021
Издательство CORPUS ®

Содержание

Введение	7
Карты	17

ЧАСТЬ I Изобретение России

Глава 1. Рождение царства	35
Глава 2. Третий Рим	52
Глава 3. Имперская нация	71

ЧАСТЬ II Воссоединение Руси

Глава 4. Просвещенная императрица	91
Глава 5. Польская головоломка	108
Глава 6. Борьба за пограничье	124

ЧАСТЬ III Триединый народ

Глава 7. Дебют Украины	145
Глава 8. Великая, Малая и Белая	163
Глава 9. Лингвоцид	180

ЧАСТЬ IV Революция наций

Глава 10. Народная волна	201
Глава 11. Крушение монархии	222
Глава 12. Русская революция	241

ЧАСТЬ V Союз нерушимый

Глава 13. Победа Ленина	265
Глава 14. Национальный коммунизм	282
Глава 15. Возвращение России	302
Глава 16. Великая Отечественная война	318
Глава 17. Советский период	338

ЧАСТЬ VI Новая Россия

Глава 18. Прощание с красным флагом	363
Глава 19. Русский мир	384
Глава 20. Русская война	403
Эпилог	421
Благодарности	427
Примечания	431
Библиография	445
Предметно-именной указатель	457

Введение

В сердце России, на площади против Боровицких ворот Кремля, стоит памятник, один из самых высоких в Москве. Человек в средневековых одеждах держит в одной руке крест, в другой — меч. Верхушка креста возносится на 18 метров от земли. Это князь, известный русским в наши дни под именем Владимира. В летописи же его зовут по-разному: Володимеръ, Володимиръ или Володимѣрь. С 980 по 1015 год он правил древним Киевом, где по-украински это имя звучит как Володымыр. Там он изменил ход истории: принял крещение вместе с подданными, жителями средневекового государства, известного историкам как Киевская Русь и охватывавшего огромную территорию от Карпатских гор до Онежского озера.

Размером и местоположением у Кремля памятник затмевает конную статую Юрия Долгорукого, которого считают основателем российской столицы. Как полагают многие москвичи, соорудили его ради того, чтобы увековечить правление тезки Владимира Великого — президента Путина. Исход недавно проведенного конкурса определила комиссия, которую возглавил не кто иной, как архимандрит Тихон (по слухам — духовник Путина). Сверх того, Боровицкая площадь расположена в регулируемой ЮНЕСКО охранной зоне, поэтому установка памятника требовала особого разрешения Московской городской думы. Едва ли его дали без ведома верховной власти.

Тем не менее воображаемая либо подлинная параллель между двумя Владимирами могла служить лишь одной из причин возведения у стен Кремля столь незаурядного монумента. В первую очередь он символизирует права Москвы на наследие древнего Киева и показывает значение Украины для исторической идентичности современной России. В противном случае зачем бы было увековечивать — да еще в таком престижном месте — киевского князя, который восседал на престоле в столице юго-западного соседа? Время и обстоятельства постройки еще сильнее подчеркивают роль Украины при оценке русскими самих себя в прошлом и настоящем. Закладной камень на месте будущего постамента разместили через полтора года после аннексии Крыма, в ходе русско-украинской войны. Привезли этот камень из византийского Херсонеса, места крещения Владимира в 988 году.

Официально открыл памятник 4 ноября 2016 года — в День народного единства — лично Владимир Путин. Приняли участие в церемонии Дмитрий Медведев, патриарх Кирилл и Наталья Солженицына, вдова выдающегося писателя Александра Солженицына. Президент воздал князю хвалу в следующих выражениях: “Собиратель и защитник русских земель, дальновидный политик, созидавший основы сильного, единого, централизованного государства, объединившего в результате в одну огромную семью равные между собой народы, языки, культуры и религии”. Путин подчеркнул, что выбор христианства “стал общим духовным истоком для народов России, Белоруссии, Украины, заложил нравственные, ценностные основы, которые определяют нашу жизнь и поныне”¹.

Что бы ни утверждали в учебниках, ни провозглашали на открытии памятников, Россия по европейским меркам сравнительно молода. Ее история как самостоятельного государства начинается пять с половиной веков назад — в 70-е годы XV века, когда Иван Васильевич (великий князь Московский, первый назвавший себя царем) решился сбросить власть ордынских ханов, известную в традиционной историографии

как монголо-татарское иго. На кону стояла не только независимость Владимиро-Суздальской земли — за небольшим исключением она уже была в руках Ивана, — но и владычество над Русью в целом. Прежде всего Новгородской землей, независимость которой от Московского великого княжества татарские ханы стремились сохранить. Тогда-то киевские истоки московской династии и православной церкви и поспособствовали формированию могучего мифа, отделившего Московию от ее недавнего монгольского прошлого и вырастившего представление о самой себе как наследнице Киева и Византии.

С тех пор Россия множество раз вступала в войны на соседних восточнославянских землях, и борьбу объясняла и оправдывала убежденностью в том, что она является политической, религиозной и культурной восприимчивой древней Киевской Руси. Даже расширение советской территории во время Второй мировой войны нередко оправдывали памятью о деяниях древнерусских князей. Несмотря на долгую историю имперской экспансии, “собрание русских земель”, начатое Иваном III, удалось осуществить лишь на короткий промежуток с 1945 до 1991 года — менее чем на полвека. В эпоху холодной войны, своего максимального могущества, Россия сумела распространить свою власть на самые западные земли, ранее входившие в Древнерусское государство: украинские Галицию, Буковину, Закарпатье.

Обоснование прав российской элиты на киевскую родословную в Новое время развивалось от династической и религиозной идеи к этнонациональной концепции. На протяжении XVIII и XIX веков Российская империя усвоила понятие национальности и создала определенную модель русского самосознания, которая включала современных русских, украинцев и белорусов, а с ними и элиты неславянского происхождения, которые проходили процесс политической и культурной русификации. Революция 1917 года начала было развязывать узел “общерусской” идентичности — русских, украинцев и белорусов признали тремя отдельными этносами. Тем не менее советский проект, который начался с утверждения раз-

личий между тремя основными народами, после войны вернулся к модели восточнославянского единства. Русский язык использовался на всей территории СССР, поощрялась культурная русификация нерусских народностей, и тем невольно готовилась почва для возрождения “общерусского” самосознания имперского образца уже после распада СССР. В наши дни Россия ищет новую национальную идентичность, и вопрос, способна ли она освободиться от имперских моделей идентичности, стоит, как никогда, остро.

Современная Россия пытается разобраться с расхождением между политической картой Российской Федерации и ментальными картами русской культуры и русского самосознания. Иными словами, в ее случае крайне тяжело соблюсти одно из главных требований современного национализма, который, согласно определению Эрнеста Геллнера, является “политическим принципом, суть которого состоит в том, что политическая и национальная единицы должны совпадать”². Совпадают ли теперешние границы России с землями, населенными русской нацией? Ответ зависит от того, как именно политические лидеры, интеллектуалы, медиа и население в целом представляют свою нацию. Проблема русской идентичности и ее географических рубежей представляет далеко не только академический интерес. От тех или иных взглядов на нее зависят вопросы войны и мира на востоке Европы — и будут зависеть еще очень долго.

Проблему России с этническим, политическим и культурным размежеванием после распада Советского Союза нельзя назвать уникальной. В прошлом веке с тем же сталкивались и другие империи, вынужденные разлучиться со своими владениями физически и психологически. Огромная держава Габсбургов рухнула в конце Первой мировой войны, ужавшись до Австрии и Венгрии — и оставив за их пределами многочисленные общины немцев и венгров. Распалась Османская империя — еще громаднее, — и вне территории новой Турции, под властью тех, кто не исповедовал ислам и не говорил по-турецки, оказались турки и другие мусульмане. Наконец,

после Второй мировой войны начался длительный демонтаж Британской и Французской империй. Метрополии крайне неохотно отпускали колонии — но рано или поздно местные элиты брали власть в свои руки, а многочисленные потомки британских и французских колониальных чиновников и поселенцев уезжали на родину предков.

При этом перед Россией остро встает вопрос, как правило, незнакомый прежним империям — особенно бывшим обладателям заморских территорий. А именно — самоидентификация русской нации. Как говорит британский историк Джефффри Хоскинг, Великобритания владела империей, а Россия была империей и, возможно, остается ею. По распространенному мнению, самоидентификация трудно дается русским потому, что они стали империей раньше, чем стали нацией. Но не подобной ли была судьба нескольких других империй, включая Британскую, Испанскую, Португальскую? Уникальность русскому вопросу придает другое: эти державы почти никогда не вели свой род от легендарных предков, общих с чужеземными подданными, не имели с ними общих корней — как Россия и ее украинские и белорусские территории.

Состоит ли русская нация, определяемая не по политическим, а по этническим и культурным критериям, только из собственно русских, живущих в Российской Федерации и за ее пределами? Или же включает остальных восточных славян — белорусов и украинцев? Или, может быть, всех русскоязычных, в пределах и за пределами России? Это ключевой вопрос, который становится все острее в то время, когда российские элиты пытаются создать новую версию российской нации в постсоветском мире. Ее анализу и посвящено в первую очередь “Потерянное царство”. С одной стороны, книга как будто встает в известный ряд исследований “изобретения” наций. Такие книги написаны о Британии, Франции, Германии, Испании и, конечно же, России, правда, за ее пределами. С другой стороны, ее отличает рассказ о сотворении и дальнейшем развитии нации, которой нет, — по крайней мере с формальной точки зрения. Общерусскую нацию, пред-

ставленную на страницах этой книги, нельзя найти на карте, поскольку она так и не обрела политической сущности. Живет она, однако, в сознании политических и культурных элит, а если верить данным социологических опросов — и в умах десятков миллионов простых россиян. И ее политическое влияние превосходит силой многие неоспоримо реальные нации, чьи государства легко найти на карте мира.

Эта книга — история русского национального самосознания в точке его пересечения с имперским сознанием. Хронологически текст охватывает период от становления независимой России во второй половине XV века и до наших дней, покрывая исторически и географически обширное пространство России и восточноевропейских государств. В первой части показано, как в раннее Новое время Романовы и их придворные интеллектуалы творили российскую имперскую национальную идентичность, сочетая концепцию правящей династии и религиозной истории и культуры с ростками национального самосознания. Как показано во второй части, эта конструкция испытывала сильнейшее давление со стороны нового европейского национализма, прежде всего польского. Поляки, невзирая на военные поражения, не отреклись от претензий на украинские и белорусские земли, отнятые у Речи Посполитой после трех ее разделов в конце XVIII века.

В середине XIX века империя вынужденно усовершенствовала модель своей идентичности, чтобы не допустить подъема нового национализма среди восточных славян. Третья часть книги посвящена тому, как российские имперские власти пытались компенсировать растущий украинский национализм, продвигая идею триединого русского народа — не монолитного, но состоящего из трех народностей: великороссов, малороссов и белорусов. Одновременно власть не без успеха препятствовала развитию литературных языков и высокой культуры, альтернативных русским.

Революции 1905 и 1917 годов, которым посвящена четвертая часть, разрушили имперскую модель триединой нации. Возникновение мощного украинского движения способство-

вало признанию русских, украинцев и белорусов отдельными народами, а в случае русских и украинцев столкнуло их друг с другом. В пятой части, посвященной политике советской власти, показано, как она выстраивала по ранжиру три народа — славянское ядро СССР — и устанавливала рамки их сосуществования. Усилия помогли восстановить и даже усилить рассыпавшуюся было империю, но в длительной перспективе оказались напрасны — в 1991 году Союз распался. В заключительной части книги я рассматриваю попытки современной России сформировать новую национальную идентичность, частично возродив имперское наследие, — процесс, который стал одной из предтеч русско-украинского конфликта и продолжающейся войны.

От возникновения независимого Московского государства на руинах Золотой Орды до возрождения русской нации после распада СССР в книге прослеживаются попытки российских элит восстановить территориальную целостность “потерянного царства” — средневекового Киевского государства, давшего всем восточным славянам общее культурное наследие. Поиски утраченного “золотого века” знакомы и другим европейским странам. В Средние века Карл Великий возрождал Римскую империю, в раннее Новое время та же цель вдохновляла Габсбургов. Особенность России в том, что поход за “потерянным царством” длится до сих пор.

Карты